

В. Г. Белинский

**Репертуар русского театра.
Издаваемый И. Песоцким.
Третья книжка. Месяц...**

Виссарион Григорьевич Белинский

**Репертуар русского театра.
Издаваемый И. Песоцким.
Третья книжка. Месяц март...**

«...Всем, и читающим «Репертуар» и не читающим его, известно уже из одной программы этого странного, не литературного издания, что в нем печатаются только водвили, игранные на театрах обеих наших столиц, но ни особо и ни в каком повременном издании не напечатанные. Обязанные читать все, что ни печатается, даже «Репертуар русского театра», издаваемый г. Песоцким, мы развернули его, чтобы увидеть, какой новый водвиль написал г. Коровкин или какую новую драму «сочинил» г. Полевой, – и что же? – представьте себе наше изумление...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский**

**Репертуар русского театра.
Издаваемый И. Песоцким.
Третья книжка. Месяц март...**

*РЕПЕРТУАР РУССКОГО ТЕАТРА. (,) Изда-
ваемый И. Песоцким. Третья книжка.
Месяц март. С.-Петербург. В тип. А.
Плюшара. 1840. В 8-ю д. л. 46, 44 стр.*

«На свете странные бывают приключения!»^{1} – и третья книжка «Репертуара» самым разительным образом подтверждает справедливость этого мудрого изречения. Всем, и читающим «Репертуар» и не читающим его, известно уже из одной программы этого странного, не литературного издания, что в нем печатаются только водвилы, игранные на театрах обеих наших столиц, но ни особо и ни в каком повременном издании не напечатанные. Обязанные читать все, что ни печатается, даже «Репертуар русского театра», издаваемый г. Песоцким, мы развернули его, чтобы увидеть, какой новый водвиль написал г. Коровкин или какую новую драму «сочинил» г. Полевой, – и что же? – представьте себе наше изумление: мы увидели – «Гамлета, принца датского, Драматическое представление в пяти действиях, соч. Виллиама Шекспира, перевод с английского Н. А. Полевого»!..^{2} Посадите, г. Песоцкий!.. Во-первых, «Гамлет», сей злополучный принц датский, так много пострадавший от г. Дюсиса, от г. Сумарокова и от г. Висковатого^{3}, давно уже известен русской публике и в четвертом своем

страдании: переделка великого создания Шекспира г. Полевым напечатана еще в 1837 году; во-вторых, странно видеть творение Шекспира, хотя и в арлекинском костюме, в издании, посвященном изделиям гг. А, В, С и пр. Но главное и важнейшее – ведь «Гамлет» драма, трагедия, а не водвиль... Впрочем, позвольте... почему ж бы и не так?.. Ведь не все то шекспиоровское, на чем выставляется его имя: и Шекспир во многом, что выдается за принадлежащее ему, не узнал бы своего! Было время уродливых классических трагедий, – и добрый простак Дюсис делал из великих драм Шекспира уродливые классические трагедии. Ну, а теперь? – теперь настало время романтических водвилей, с куплетами и даже без куплетов, и часто с чувствительными мелодраматическими пантомимами под эффектно сентиментальную музыку: – почему же, следуя духу времени, не делать водвилей из драм Шекспира?.. Но известно, что наши доморощенные водвили даже и не *делаются*, а *переделываются* из французских, чрез переложение французских нравов на русские; и потому, если вы хотите делать водвили из

драм Шекспира, поступайте и с ними точно так же: сделайте, например, из поэтической датчанки Офелии русскую деву в сарафане и, на голос известной простонародной русской песни:

*Здравствуй, милая, хорошая, моя,
Чернобровая, похожа на меня!*

заставьте ее пропеть водвильный куплет с прищелкиванием пальцами, хоть вроде следующего:

*Радость-душечка пропала,
Как мила друга не стало!*

Уверяем вас, что это будет очень хорошо... Всего важнее – старайтесь переводить Шекспира как можно *водвильнее*, то есть навыворот. Например: Шекспир заставляет Гамлета сказать Полонию: «Вы ничего не можете взять; я вам все уступаю охотно, *кроме жизни моей, кроме жизни моей, кроме жизни моей*» (You cannot, sir, take from me any thing that I will more willingly part withal, *except my life, except my life, except my life*); а бы... да что вам до Шекспира! он писал по-английски, а вам не учиться же нарочно для него – слишком

много для него чести, тем более что – сами вы знаете – *целиком* он нынче уж не годится!.. Итак, возьмите лучше летурнеровский перевод «Гамлета», исправленный Гизо{4}, в котором это место переведено так: «Vous ne pouvez, monsieur, rien prendre de moi, que je vous donne plus volontiers, si ce n'est pas ma vie, si ce n'est pas ma vie, si ce n'est pas ma vie». (Oeuvres completes de Shakspeare, trad, de l'anglais par Letourneur; n. ed., revue et corrigee par F. Guizot et A. P., traducteur de lord Byron, t. I., p. 240);[1] ну, да и переведите это так: «Из всего, что вы можете взять у меня, ничего не уступлю я вам так охотно, как жизнь мою, жизнь мою, жизнь мою»; оно будет и близко к оригиналу, с которого вы переведете, и не так хлопотно: ведь французский язык, верно, вам знакомее, чем английский? А чтоб больше придать блеска своему незаконному переводу, смело поставьте в заглавии «с английского»; ведь справляться не будут, а если и вздумает кто-нибудь, отмолчитесь – и дело с концом! В наше время кто не знает всех наук (особенно *важнейших*, как выразился один многознайка: политической экономии и фи-

лософии) и всех языков, даже санскритского и китайского? По крайней мере кто не рассуждает о них с важностью, даже не зная порядочно и своего родного и не признавая русского и перерусского слова «теперешний» русским словом?{5} – Дальнейшие наставления в водвильном способе переводить драмы Шекспира вы можете найти в статье покойного профессора Кронеберга, помещенной во II томе «Литературных прибавлений к «Русскому инвалиду»»на 1839 год, стр. 189{6}. Обратите особенное внимание на письмо Гамлета к Офелии: «O dear Ophelia, I am ill at these numbers; I have not art to reckon my groans; but that I love thee best, o most best, believe it. Adieu. Thine evermore, most dear lady, whilst this mashine is to him, Hamlet».[2] Это вы, для большего эффекта, можете перевести по-своему, не соображаясь ни с подлинником, который для вас нем, как рыба, ни даже с французским переводом; английское «most dear lady»[3] и французское «ma dame cherie»[4] заменить водвильным «обожаемая дева»; одним словом, вот так: «Милая Офелия! эти строчки (то есть стихи, numbers,[5] vers[6]) умножили мою

грусть. Я не умею красиво пересказать мои вздохи (то есть я не имею искусства *рассчитывать мои стенания*), но я люблю тебя, очень люблю. Прости. Твой навсегда, обожаемая дева, пока дух мой держится в теле (то есть *пока эта машина принадлежит мне*, как в подлиннике, или *пока эта смертная машина повинуется твоему Гамлету*, как во французском переводе) – Гамлет». Смелее! не бойтесь, что какой-нибудь насмешник перепародировал этот перевод так: «Милый Шекспир! Я плохо понимаю тебя, еще хуже перевожу тебя, но я люблю тебя, очень люблю. Твой навсегда, обожаемый поэт, пока перо держится в руках. Твой переделыватель, водвиллист – такой-то».

За перепечатанным «Гамлетом» следует, тоже перепечатанная (из 50-го № «Литературных прибавлений к «Русскому инвалиду» на 1837 г.), очень хорошенькая статейка г. Мундта «Биография Карла-Лудовика Дидло, бывшего балетмейстера императорских Санкт-Петербургских театров».

За оною следует новая (то есть не перепечатанная) статья, под следующим длинным и

громким заглавием: «Панорамический взгляд на современное состояние театров в Санкт-Петербурге, или Характеристические очерки театральной публики, драматических артистов и писателей»{7}. Г-н сочинитель этой статьи очень хорошо понимает выгоду громких и длинных заглавий вроде *самонужнейших, пренаиполезнейших* лечебников и *самонаипреполезнейших* поваренных книг. Что же в этой статье? – Да, собственно-то, ничего; она напоминает своим содержанием известную статью в «Новоселье» г. Смирдина: «Ничто», замечательную тем, что сочинитель ее весь вылился в *ничто*;{8} но в ней множество курьезных диковинок, подобных тем, которые именно за свое уродство и сохраняются в банках со спиртом, в кунсткамерах. Укажем на них для удовольствия и потехи современников и как назидательный факт для потомства.

Говоря о петербургском французском театре, сочинитель статьи хвалит в г-же Аллан светскость манеров и умение петь куплеты; последнее достоинство он заставляет ее разделять с г. Аллан; но больше этого, кажется,

ничего в них не заметил. Впрочем, это произошло, вероятно, от недостатка наблюдательности или от близорукости взгляда, а совсем не от недостатка усердия: г. сочинитель хвалит г-жу Аллан со всевозможным усердием, точно так же, как и г-жу Асенкову. Это напомнило нам одно лицо в прекрасной повести графа Соллогуба «Большой свет», – именно, того господина, франта среднего общества и героя легоньких балков, который спрашивает Леонина: «Йет ву каню авек ле Чуфырин е ле Курмицын?»[7] и который, прикидываясь любителем французского театра, с таким самодовольствием повторяет: «Люблю Allan! Что это за удивительная актриса! Впрочем, надо сказать правду, и Асенкова недурна, особенно в гусарском костюме. Мы с Петрушей и Ваней всегда ее вызываем»[9]. В г. Берне «сочинитель» видит не больше, как превосходного актера в ролях буффонских или фарсах (стр. 15), простодушно не подозревая в нем истинного художника, для убеждения чего достаточно увидеть его хоть в роли графа de Miremont, в комедии Скриба «La camaraderie»[8]. Далее, сочинитель с глубо-

ким чувством истинного дилетанта говорит, что «буфет Михайловского театра не весьма озабочен требованиями и всегда просторен» (стр. 14): кому не известно, что буфет тесно связан с искусством? По крайней мере так думает известный, и притом самый многочисленный род дилетантов искусства! Г-на Сосницкого сочинитель превозносит до небес, как великого гения сценического искусства, а в г. Мартынове видит не больше, как «отлично хорошего буффа, то есть комика, разыгрывающего не характерные, но смешные роли, карикатуры» (стр. 24). В самом деле, г. Сосницкий необыкновенно умный артист: сценический ум, при опытности и привычке к сцене, иногда делает у него незаметным недостаток вдохновения и творческого таланта, — недостаток, который особенно ощутителен в ролях, художественно созданных, как, например, в роли *городничего* в «Ревизоре», в которой г. Сосницкий столько же плох, сколько Щепкин превосходен. Что же до г. Мартынова, то — в добрый час молвить, в худой помолчать! — мы видим в нем золотой самородок сценического таланта, — и если г. Мартынов,

не обольщаясь своими успехами, будет ревностно и бескорыстно трудиться в изучении своего искусства, не стоять на одном месте, но идти все вперед и вперед, то из него выйдет со временем нечто посущественнее многих и многих водвильных гениев Александрийского театра, – и только чуждые сфере искусства отношения, какие-нибудь *самaraderies*[9], могут так пристрастно унижать его природный талант...{10}

Но всего курьезнее отзывы и суждения сочинителя репертуарной статьи о наших драматических писателях. Высоко ставит он таланты гг. барона Розена, Бахтурина, Ободовского, Кукольника, Зотова, Хомякова, Грибоедова, Жандра, Хмельницкого, Загоскина, князя Шаховского; но выше всех их ставит талант – г. Н. Полевого!.. О *тех* он говорит по несколько строк, *сему* посвящает несколько столбцов. Послушайте, что говорит он о *сем* драматическом светиле, то есть о г. Полевом:

Гибкий ум его постигнул быстро тайну искусства, недоступную даже для многих гениев (хороши гении!..), – тайну двигать сердцами зрителей, и

проч. (стр. 18 и 19).

Говоря об «Уголино», сочинитель делает следующее наблюдение:

Весьма замечательно, что противники Н. А. Полевого, не зная, как унижить «Уголино», стали утверждать, будто он почерпнул все из немецкой и италийской драмы! Укажите ж, из которой! Сличите, разберите! Клевета и только!

Мы, право, не знаем, есть ли у г. Полевого противники и кто они такие; не помним также, чтобы кто-нибудь серьезно разбирал его «Уголино» и, как будто говоря о великом деле, доказывал, что она почерпнута оттуда и отсюда; но мы помним, что в одной газете драмы Шиллера были поставлены выше драм Шекспира, а «Уголино» выше драм Шиллера, и что через два или три нумера, в той же самой газете и тем же самым беспристрастным и глубокомысленным критиком, эти похвалы объявлены были пристрастными: «Почтеннейшая, – так взывал оный критик к публике, – почтеннейшая! Виноват – приятельство, кумовство, camaraderie – вот что – больше ни-

чего!» Если потребуется, мы назовем по имени эту газету и укажем на номер и страницу, на которых находятся эти знаменитые и делающие честь русской литературе слова. Общий итог суждения г. сочинителя о драматическом таланте г. Полевого есть тот, что, в отношении к искусству, драмы его еще не осели на прочном основании; что, чувствуя недостатки прежних форм и изложения русской драмы, он ищет новой формы и что «Репертуар» ожидает от него с немалою надеждою, если не решения великой задачи, то формулы (!!..) для ее разрешения (стр. 20). Именно так! ждите, «почтеннейший»!..{11}

После г. Полевого, по словам сочинителя статьи «Репертуара», далеко должен пойти г. Коровкин. Добрый путь, господа!

Читатели могли заметить, что между всеми этими именами, начиная от г. Полевого с г. Коровкиным и до Грибоедова, нет имени Гоголя. Конечно, между ими и искать его не следует; но если уже между ими вмешалось имя Грибоедова, то Гоголя уж как-то невольно ищешь. Однако ж не беспокойтесь: опытный сочинитель репертуарной статьи не даст про-

маха. Говоря языком старинных стихотворений Кирши Данилова, мы можем сказать о нем: «А втапоры он догадлив был»{12}. В самом деле, догадлив: он отделил Гоголя от всех имен, поговорил о нем больше, чем о других; и по всему видно, что он приступил к этому не вдруг, а переведа дух, изготовившись и нацелившись. Послушайте же, что он говорит о Гоголе:

Г-н Гоголь написал одну комедию прозою – «Ревизор», за которую дружеская литературная партия превозносит его превыше не только Грибоедова, но даже Молиера! Критики наши забыли (да они, вероятно, никогда и не помнили этого!), что «Ревизор» уступает даже многим комедиям кн. Шаховского и Загоскина, которые вовсе не имели притязания на сравнение их с Молиером. В «Ревизоре» нет, во-первых, никакого вымысла и завязки; во-вторых, нет характеров; в-третьих, нет натуры; в-четвертых, нет языка; в-пятых, нет ни идей, ни чувства, то есть нет ничего, что составляет высокое создание! Сюжет избитый во всех немецких и французских фарсах, тот же, что

«Мнимая Каталани» («Die vermeinte Catalani»), «Немецкие горожане» («Die deutschen Kleinstadter»), «Ложная Тальони» («Die falsclie Tagliony»), «Городишко», соч. Пикара («La Petite ville») и т. п., с тою разницею, что в «Ревизоре» более невероятностей. Действующие лица – ряд преувеличенных карикатур, небывалых никогда в Великороссии! Это образчики какой-то пешей малороссийской и белорусской шляхты, которых нам выдают за русских помещиков. Все действующие лица – пошлые дураки или отъявленные плуты, которые хвастают своим плутовством.

Именно так! против этого нечего сказать «Репертуару» и его «почтеннейшим» сотрудникам, читателям и почитателям! С ними мы не намерены рассуждать о том, что значит в драме вымысел и завязка, характеры, натура, язык, идеи и чувство. Мы также не намерены и защищать Гоголя: дело говорит само за себя. Мы лучше укажем на «репертуарную» тактику унижения истинных талантов через возвышение жалкой посредственности: относи-

тельно почитателей «Репертуара» превосходная тактика!.. Но – по Сеньке и шапка! – как говорит русская пословица. «Ревизор» имел чрезвычайный успех: все издание его давно раскуплено и ни одного экземпляра теперь нельзя достать в лавках ни за какие деньги; на театрах обеих столиц, особенно в Москве, он беспрестанно дается и каждый раз привлекает многочисленную публику. Все это еще *внешние* доказательства достоинства «Ревизора»; но для водвильной и «репертуарной» публики только и существуют, что внешние доказательства, – и потому суждение сочинителя статьи могло бы показаться диким даже и для тех, для кого оно написано; но вот как кончил он свое дивное суждение о «Ревизоре»:

Одно превосходное комическое лицо здесь – лакей (хорошо еще!). Вот что мастерски, так мастерски! И за отделку именно этого лица мы признаем комический талант в г. Гоголе, и убеждены, что если он захочет сделать что-нибудь порядочное и зажмет уши на пошлые (!) похвалы, приятелей (вероятно, дело идет о Пушки-

не?), похвалы, которые половина публики (вероятно, водвильной и «репертуарной») принимает за насмешку над ним, то напишет не фарс, а настоящую комедию, потому что мы видим в нем и юмор и комическую замашку (неужели только в характере лакея?). Дарование видно и в самых мелочах (даже и в «Ревизоре?»), и мы, почитая «Ревизора» пьесой, недостойною того, чтобы на ней можно было основывать славу автора, признаем автора человеком даровитым (вот как! – и все это за характер лакея? – вот что значит удружить!) и с нетерпением ждем случая хвалить его за что-нибудь достойное его таланта (а где же мерка для таланта-то? конечно, характер лакея?).

Славная тактика! сначала разругайте, скажите, что в авторе «нет ни ума, ни чувства, ни таланта, ни фантазии, словом, ничего, что нужно, чтоб быть автором»; а в заключение скажите, что автор подает надежды, и если будет походить на своих критиков до того, что им нечего будет стыдиться его, то напишет что-нибудь дельное. Такая тактика очень действительна в задних рядах нашей литера-

туры: водвильная и «репертуарная» публика простодушна: она согласится и с началом и с заключением статьи, то есть и с бранью и похвалою, как бы они ни противоречили одна другой, а критика похвалит за добросовестность и беспристрастие.

Между современными русскими журналами один (не будем называть его) отличается удивительною пустотою, сухостию и безжизненностию своих «литературных очерков», которые он смело выдает за «критики» – вероятно, для того, чтоб отделаться от составления статей по отделу «Критики», требующих и сведений и труда, которые могут считаться делом ненужным для «очерков»{13}. Все эти «очерки» поются на один и тот же лад и отличаются элегическою унылостью разочарованных юношей двадцатых годов настоящего столетия, – юношей, уж очень состарившихся для 1840 года. В них на один и тот же тон распевается одна и та же мысль, – что теперь все не так, как было, и в современной литературе видна одна посредственность. Сначала мы от чистого сердца смеялись над этими прозаическими элегиями разочарованного самолюбия,

но теперь видим, что унылый старичок не совсем неправ. В самом деле, что представляет, например, современная журналистика? – «Библиотека для чтения» в какой-то апатии вяло дошучивает на старый лад старые же остроты; наполняется какими-то дикими статьями о произведениях живописи и скульптуры и о музыкальных концертах;{14} «Литературная летопись» ее уже не превышает трех страничек – тоща, суха, шутки приторны; отстает книжками и быстро клонится к желанному покою. Поневоле воскликнешь: «Конец концов!» – «Сын отечества» пока еще держится только своими ежегодными переодеваниями из одной обертки в другую да тем, что или сожмется в двенадцать, или разлетится на двадцать четыре книжки. Этим он думает выиграть в аккуратности выхода, но – увы! – когда у добрых людей настает январь нового года, у него все тянется еще хвост старого, и прошлогодний журнал остается без хвоста! Конечно, это не мешает «Сыну отечества» смело и самонадеянно называть себя представителем русской литературы в 1838 и 1839 году, хотя иные шутники и замечают,

что если он уж непременно хочет так называть себя, то пусть по крайней мере назовется представителем *неполным*, потому что и до сих пор еще не дал горемычным своим подписчикам *двух книжек* за прошлый год (за ноябрь и декабрь). О внутреннем улучшении он уже не хлопочет: сам видит, что и стар стал и немощен. И в молодые-то свои годы он был не из бойких, а теперь уж и добрые люди на нем не взыскивают и терпят старика, к которому привыкли в продолжение почти тридцати лет. Старики и читают старика: им любо, когда он с старческой ворчливостью побранивает все новое да похваливает доброе старое время. В добрый час, почтеннейшие старцы! ведь надо же и вам чем-нибудь тешиться под скучную зиму ваших дней!.. Потом «Современник», – но это больше альманах, чем журнал: он не держит голоса на арене современной литературы, не желая иметь с нею никакого дела{15}. И хорошо поступает! Правда, в своих кратких, но чрезвычайно характеристических отзывах о новых произведениях поделом пренебрегаемой им современной литературы он подает голос, но этот голос дохо-

дит не до публики, а до сердца только некоторых из его журнальных собратий. – И странное дело! – он говорит тихо, скромно, прилично, без всякой, по-видимому, резкости, а между тем ужасно сердит некоторых из своих журнальных собратий: он даже и не упоминает о них, как бы не замечает их существования, а они разбирают по слову каждую его строку и за каждую сердятся, как за личную обиду... «Северная пчела», – но она, всегда перепечатывая из других изданий, как бы вовсе лишена самостоятельного существования и держится одними политическими известиями, повторенными ею после того, как они напечатаны в других газетах, да разве еще объявлениями о водочистительных машинах и других не относящихся к литературе предметам. – В Москве, которая так недавно гордилась перед Петербургом и количеством и достоинством своих журналов, теперь страшное запустение. Медленно умирал в ней «Наблюдатель», как вдруг, весной 1838 года, вздумал ожить, – и вот поюнел и позеленел, и заговорил живым языком, восторженною речью, словом, расходился, как рьяный немец-

кий студент{16}. Но добрый и пылкий юноша не понял великой истины, что чувство чувством, мысль мыслью, талант талантом, а опытность и осторожность своим чередом. С первой же книжки начал он сыпать новыми идеями и новыми словами, не догадавшись, что не годится так вдруг и неосторожно будить заспавшихся эпименидов{17}, вместо того чтобы сначала понемногу их расталкивать. Тщетно представлял он и изящную прозу, и изящные стихотворения, и новые идеи: публика видела одни новые, непонятные для нее слова да неаккуратность в выходе книжек, – и бедный юноша не хотел умирать медленной смертью, по-филистерски,

*..посреди детей,
Плаксивых баб и врачей{18},*

но скоропостижно исчез и пропал без вести...

*Не расцвел и отцвел
В утре пасмурных дней,
Что любил, в том нашел
Гибель жизни своей!{19}*

И вот на тусклом небосклоне московской

журналистики снова ожила бледная красавица «Галатея»{20}. Но, боже мой! Что это за оживление! Лучше бы ей и не родиться на свет! Ланиты бледные, очи впалые, в одежде бедность и неприятный беспорядок, гризеточный фартук не чист...

Да! хороша журналистика! И после этого можно ли требовать от нас (как требуют некоторые из наших читателей), кроме библиографических обзоров, еще «обзоров русской журналистики»? Что тут прикажете обзрывать ежемесячно?.. Повторять одно и то же тяжело и скучно!.. Вот почему мы никогда не говорили о современных русских журналах и решились здесь в нескольких строках сказать теперь о них свое мнение, чтоб потом не говорить уже о них более, как о предмете грустном и неприятном... «Но что же думаете вы, мм. гг., – может быть, спросят некоторые, – об «Отечественных записках»?»... Извольте, мы скажем вам свое о них мнение, – мнение, которое есть наше убеждение и вследствие которого мы так усердно занимаемся этим изданием и будем так же усердно заниматься до тех пор, пока это убеждение существует в нас.

Вот что мы видим в нашем журнале: только в «Отечественных записках» еще раздаются песни старых корифеев нашей литературы, только в них встречаются имена Жуковского, кн. Вяземского, кн. Одоевского, Баратынского и других; только «Отечественные записки» представляют публике произведения молодых, ярких талантов, каковы Лермонтов, гр. Соллогуб, Кольцов, Красов, — Θ — и другие; только в «Отечественных записках» видно живое стремление к мысли, к идее, живая любовь к истине, живое участие к судьбе русской литературы и гордое отчуждение от всякого рода нелитературных интересов; в «Отечественных записках», как в последнем убежище, сомкнулось все, в чем есть жизнь, движение, талант; наконец, только «Отечественные записки» и бодры и молоды, выходят в срок с точностию хронометра и навлекают на себя упреки разве в излишней полноте и объемистости. О промахах и недостатках говорить нечего: где их нет и какое человеческое дело их чуждо? Лишь бы доброе начало их перевешивало! И потому пока подождем и посмотрим —

Публике очень хорошо известно, что «Отечественные записки» не имеют ничего общего с другими журналами; одно из самых резких их отличий – уважение к таланту, к силе, к достоинству: публике известно их мнение о Пушкине, о Гоголе и других писателях, старых и новых, составляющих честь и славу родной словесности... Все это, заметьте, говорим мы, положа руку на сердце, от полного, искреннего убеждения, и желаем, чтоб другие журналы, – которые так часто расточают похвалы самим себе и которые, верно, не замедлят, из *доброжелательства*, назвать наше откровенное признание самохвальством, – так же искренно говорили с публикою, когда коснется речь до собственного их достоинства... Прибавим в заключение: если бы еще не «Отечественные записки», то современная русская литература действительно представляла бы собою апотеоз жалкой посредственности. Посмотрите: кого хвалят, о чем говорят? О дюжинных произведениях, изделиях гг. Полевого и Коровкина! Кого бранят и уни-

жают? Пушкина и Гоголя!.. – Как унижают последнего, можно видеть из примера «Репертуара», а как ценят первого – посмотрите 65 № «Северной пчелы» нынешнего года...{23} Но дело стоит того, чтобы о нем сказать что-нибудь; оно же так кстати.

Кто-то, изволите видеть, разбирает «Очерки русской литературы» г. Полевого. Странная вещь! Известно, что наши литературные мнения во всем диаметрально противоположны с мнениями «Северной пчелы», так что белое для нее есть черное для нас, и наоборот; но касательно мнения о г. Полевом мы во многом сходимся с нею. И кто бы, например, не согласился вот с этим суждением, которое с дипломатической точностью выпишем из «Северной пчелы»:

Н. А. Полевой, как видно из его собственного сознания (см. несколько слов от сочинителя, в начале «Очерков литературы»), не учился ни одной науке систематически, а только много читал о науках. Он был человек начитанный, но не ученый, человек умный, остроумный, который был в состоянии судить о науках в частности, но

не мог быть судьей, то есть не мог подписывать приговоров. Н. А. Полевой часто судил весьма правильно, основываясь на здоровом рассудке, но, во всяком случае, он судил поверхностно, хотя начинал каждую статью длинной теорией, и эти теории казались людям несведущим весьма мудреными, чудными и глубокими, потому что были им понятнее настоящих ученых формул...

Правда, истинная правда! Еще раз и тысячу раз – правда, суцая правда! Но – дальше:

В первые годы его («Телеграф») существования он имел сильных приверженцев и превосходно поддерживался неутомимостью, умом, остроумием, смышленностью (savoir-faire) двух братьев Полевых. Будучи принуждены сражаться беспрерывно, следовать предпринятым путем энциклопедической критики и опасаясь на каждом шагу неприятельских ударов, братья Полевые сами должны были прилежно учиться, и они, учась, излагали в журнале результаты своих трудов, изысканий и наблюдений, которые если не

всегда были верны, то всегда были занимательны, потому что были свежи и возбуждали споры.

Далее, «Северная пчела» небезосновательно замечает, что лучшая часть «Телеграфа» была беллетристическая критика, с особенною силою действовавшая к помрачению достоинств противников издателя «Телеграфа». — «Только в этом «Телеграф» действовал всегда систематически и с удивительною энергиею! Но там, где Н. А. Полевой действовал *не по внушениям страстей*, не как боец или гладиатор, критики его, — продолжает «Северная пчела», — были превосходны». Тут следуют дружеские комплименты; наконец, упреки г. Полевому за его статью о Пушкине, в которой он будто бы слишком превознес этого обыкновенного, чуть-чуть не плохого поэта. Слушайте, слушайте!

Н. А. Полевой увлекся гармонией, музыкой стихов Пушкина, и не обратил внимания на их сущность! Нам кажется удивительным делом, что Н. А. Полевой, при своем уме, мог увлечься до такой степени одною музыкаю! Укажи-

те мне, какой характер или первообраз (type[10]) создал Пушкин? (покажите слепому цветы...) Ужели вы поставите мне в пример Онегина, Нулина, Кавказского пленника, Мазепу, Годунова, Самозванца (пожалуй еще и Гирея, Зарему, Марию, Алеко, Старого цыгана, Земфиру, Марию (в «Полтаве»), Ленского, Татьяну, Ольгу, донну Анну, Лауру, дон-Хуана, Скупого рыцаря и множество, множество других превосходнейших характеров, дивных, художественных первообразов). Это или тени, или портреты без теней (где же не тени и портреты с тенями? – уж не в Годунове ли и Самозванце г. Булгарина? – должно быть!..). Укажите мне на высокие, мировые (ба! да слово «мировые» не одни «Отечественные записки» употребляют – и «Пчела» переняла его у них! В добрый час!..) идеи, на сильное чувство, которое бы заставило сердце ваше (чье же именно?..), так сказать, выпрыгнуть из груди? Где вы (?) плакали, где содрогались, где хватались за меч, где душа ваша воспламенялась в сочинениях Пушкина? Ради бога, обозначьте мне характеры, укажи-

те идеи и высокие чувства!.. Но там не то! Музыка, гармония слова, все гладко, чисто, и мелкий жемчуг, и мелкие алмазы, и мелкие самоцветные камни переливаются перед глазами вашими в калейдоскопе, тешат вас, радуют, забавляют и оставляют вас на земле (о великий, несравненный критик!..). Н. А. Полевой думал о Байроне, о Шиллере, и писал о Пушкине. По идеям (то есть по сентенциям?), Пушкин не может даже приблизиться к Державину, а по чувству («Пчела» отделяет в поэзии идеи от чувства... о, пчелиная эстетика!), Жуковский гораздо выше его. Пройдет 50, 100 лет, слог и язык изменятся, и что тогда останется? А мы и теперь восхищаемся черствыми и ржавыми стихами Державина, потому что в них есть идеи, мысли и глубокое чувство!..

Что сказать об этом? Не есть ли это осуществившаяся басня – не об умирающем, а об умершем льве?..^{24} У Пушкина отнимают всё – и кто же, кто?.. Напрасно сочинитель статьи «Северной пчелы» не упомянул с похвалой хоть об эпиграммах Пушкина^{25}.

Право, следовало бы упомянуть, что Пушкин такой был мастер писать их, что и чужие хорошие эпиграммы приписывались ему, как, например, известная и превосходная эпиграмма кн. Вяземского...{26} Что ни печаталось превосходного в этом роде в «Литературной газете» барона Дельвига, если не было подписано имени автора, всегда публикою приписывалось Пушкину. Это самое случилось и с безыменною эпиграммою, напечатанною в «Литературной газете» за 1830 год, во III-м томе, на 136 странице:

*Ты целый свет уверить хочешь,
Что был ты с Чацким всех друж-
ней{27},*

и проч.

В заключение «Северная пчела» нападает на г. Полевого за непризнание Дмитриева поэтом. Она уверяет, что Жуковский, Крылов и Пушкин – результаты Дмитриева; что Дмитриев в сказках своих поэт, и поэт высокий, поэт-живописец, поэт-философ и поэт-музыкант, и что все сказки Дмитриева выше «Онегина» Пушкина и т. п.

И на это нечего ни сердиться, ни возражать. Здесь г. сочинитель статьи, как говорится, пересолил, так что даже и те добрые люди, для кого он писал, тотчас догадаются, что он над ними зело подшучивает. Ведь журнал не зала: его читают все, и не одни старики, которые за доброе слово хоть о Сумарокове готовы прийти в восторг хоть от какой лекции... Но еще тем простительнее подобные диковинки, что их можно принять за злую, хотя и не злонамеренную шутку автора над самим собою, то есть если они выдуманы в особенном вдохновительном состоянии духа, в простоте ума и незлобии сердца. Ведь *кто-то* в этой же самой «Северной пчеле», назад тому ровно десять лет, от чистого сердца и с полным простодушием издевался над этими дивными стихами из VII главы «Онегина»:

*Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал.
Уж расходились хороводы.
Уж за рекой дымясь пылал
Огонь рыбацкий{28}.*

Возмутительна дерзкая злоба; но добродушное неведение заслуживает не больше,

как улыбку сожаления.

Статья «Репертуара», в которой таким во-
двильным и «репертуарным» образом разру-
ган «Ревизор». Гоголя, оканчивается уверени-
ем, что «Репертуар» – удивительно отличное
издание. Но нам гораздо более нравится мне-
ние об этом важном предмете «Сына отече-
ства», который называет «Репертуар» полу-
журнальным, а не литературным предприя-
тием, как и «Журнал шитья и вышиванья»
{29} и «Листок для светских людей», которые
красиво издаются в Петербурге («Сын отече-
ства», № 5, стр. 184). Вот это похоже на правду!

Кстати о духе неуважения к истинным та-
лантам. В «Сыне отечества» наповал бранят
Лажечникова за его «Басурмана» («Сын отече-
ства», № 5, стр. 181). И поделом ему, г-ну Ла-
жечникову! Как он смеет писать такие пре-
красные романы? Как он смеет обнаруживать
в них столько души, чувства, ума, фантазии,
таланта? Вот мы его!.. В самом деле, где ни по-
слышишь – все «Новик», да «Ледяной дом», да
«Басурман», а о «Клятве» и «Аббаддонне»{30}
хоть бы слово кто молвил... Очень также на-
ивно уверение «Сына отечества», что лучшее

из появившегося по стихотворной части есть: 2-я часть стихотворений г. Бенедиктова и – что бы вы думали? – «Стихотворения» девицы Шаховой... Признаться, г. Бенедиктов очень ловко похвален. А о стихотворениях Лермонтова, Кольцова, Красова, – Θ —, беспрестанно являющихся в «Отечественных записках», – ни слова... Да и зачем? ведь они *не у нас* помещаются! Впрочем, позвольте: глухо замечено, что несколько пьесок (а каких?) в журналах («Библиотека для чтения», «Отечественные записки», «Сын отечества») стоили замечания... Вот уж это напрасно! Что же общего у «Отечественных записок» с «Библиотекою для чтения» или «Сыном отечества»? в «Отечественных записках» печатаются стихи Жуковского, Лермонтова, Баратынского, князя Вяземского, Кольцова, Хомякова, Красова, – Θ —, Каткова, а в «Библиотеке для чтения» стихи гг. Кукольника, Губера, кн. Кропоткина, Тимофеева и прочих; в «Сыне же отечества» – стихи Паршина, Дича, Дива, Траума, Гогниева, Печенегова, Филофея и – ва и проч. Что ж тут общего?.. «Сын отечества» говорит, что в 1838 году только «Северная пчела», «Библио-

тека для чтения» и он, «Сын отечества», были *единственными* представителями всей литературной и ученой деятельности нашей. Если так, то – признаться – хороша же наша деятельность, судя по представителям!.. Далее: «Громкими возгласами возгласили было в начале 1839 года о возрождении «Отечественных записок», но годовое издание их доказало невозможность продолжения русской журналистики в том виде, какова она теперь, в ее нынешнем направлении, неверном, кривом, жалком, сбивчивом и бесцельном, показало и всю бесплодность нашей журнальной литературы теперешней, и в отношении самих журналистов, и в отношении журнальных читателей» («Сын отечества», № 5, стр. 134). Вот что правда, то правда, а с правдою нельзя не согласиться: «Отечественные записки» с каждою новою книжкою все более и более доказывают пустоту и ничтожность *единственных* представителей литературной деятельности нашей б 1838 году и показывают собою, чем должен быть журнал в наше время. Оттого-то так и сердятся на них *эти* и *сии* устарелые и отсталые представители старого добро-

го времени...

А что же наш милый «Репертуар»? После своей диковинной статьи о «Ревизоре» Гоголя он угощает свою публику хроникою петербургских и московских театров. Это, по его обыкновению, перефразировка чужих театральных рецензий, разведенных водою и украшенных набором слов собственного остроумия и изобретения. Последнее отделение: «Театральные анекдоты и смесь» – самое лучшее. Вот вам два образчика:

– Экой ты хамелеон, – сказал один актер другому, укоряя его за переменчивость в мнениях и характере.

– А ты хмелен, – отвечал ему другой.

** * **

– Скажите, пожалуйста, что это значит «александрийские стихи»? – спросил один молодой человек в театре у своего соседа.

– Вероятно, то, – отвечал сосед, – что эти стихи писаны для Александрийского театра.

Славные анекдоты! чудесный «Репертуар»!.. Но извините, что мы так долго занимали вас и «Репертуаром» и русскими журнала-

ми. Вперед будем щадить ваше терпение. Теперь к слову пришло, и мы не могли промолчать. Впрочем, если мы будем безмолвствовать, кто же вступится за бедную русскую литературу, так безжалостно унижаемую в лице истинных, великих ее представителей?..

Сноски

1

«Вы ничего не можете взять у меня такого, что я отдал бы вам более охотно, разве только мою жизнь, разве только мою жизнь, разве только мою жизнь» (Полное собрание сочинений Шекспира, перев. с английского Летурнером, нов. изд., просмотренное и исправленное Ф. Гизо и А. П., переводчиком Байрона, т. I, стр. 240) *(франц.)*. – *Ред.*

[^^^]

2

«О, дорогая Офелия, я не силен в этих стихах, я не искусен в подсчете моих вздохов; но поверь мне, моя самая хорошая, что я люблю тебя больше всего. Прощай. Твой навек, самая дорогая моя госпожа, пока эта машина принадлежит мне, Гамлет» (англ.). – Ред.

[^^^]

3

самая дорогая госпожа (англ.). – Ред.

[^^^]

4

моя нежно любимая госпожа (*франц.*). – *Ред.*

[^^^]

5

стихи (*англ.*). – *Ред.*

[^^^]

6

стихи (*франц.*). – *Ред.*

[^^^]

7

«Знакомы ли Вы с Чуфыриным и Курмицыным?» (*искаж. франц.*). – *Ред.*

[^^^]

8

«Товарищество» (*франц.*). – *Ред.*

[^^^]

9

приятельские отношения (*франц.*). – *Ред.*

[^^^]

тип (франц.). – Ред.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Неточная реплика Хлестовой из «Горе от ума» (д. III, явл. 21).

[^^^]

2

Отношение Белинского к переводу «Гамлета» Полевым существенно изменилось за время, прошедшее с его появления (1837). В 1838 г. критик еще приветствовал работу Полевого, которому удалось «утвердить в России славу имени Шекспира» (наст. изд., т. 2, с. 308). Теперь же, в связи с общей переоценкой деятельности Полевого, Белинский постоянно высказывает негативные суждения о его переводе «Гамлета». Мнения о том, что Полевой превратил «Гамлета» в романтическую мелодраму, Белинский придерживался до конца жизни. Однако «ни одно произведение Шекспира не имело в XIX в. такого успеха на рус-

ской сцене, как «Гамлет» в переводе Полевого» («Шекспир и русская культура». М. – Л., «Наука», 1965, с. 276; автор цитируемого раздела – Ю. Д. Левин).

[^^^]

3

См. примеч. 6 к рецензии «Репертуар русского театра... Книжки 1 и 2. Пантеон русского и всех европейских театров... Часть I и II».

[^^^]

4

Имеется в виду вышедшее в 1821 г. издание шекспировских пьес на французском языке, для которого Ф. Гизо заново отредактировал переводы П. Летурнера.

[^^^]

5

Возможно, намек на Н. И. Греча.

[^^^]

Белинский ссылается на статью И. Я. Кронеберга «Гамлет, принц датский... Перевел с английского Николай Полевой» («Литературные прибавления к Русскому инвалиду», 1839, т. II, № 10, 9 сентября), в которой содержалась резкая критика данного перевода. В письме В. Боткину от 16–21 апреля 1840 г. Белинский писал: «Представь себе, выписал из статьи Кронеберга английские фразы – у меня есть словарь, копался и перевел. Ей-богу, переведи что-нибудь Полевой хоть с китайского – выучусь по-китайски в один вечер, чтоб только уличить этого сквернавца в невежестве, ограниченности и подлости мелкой, скаредной душонки».

[^^^]

7

Автор этой статьи, как и упомянутой ниже статьи в альманахе «Новоселье», – Ф. В. Булгарин.

[^^^]

8

Перефразировка отзыва Полевого о данной статье Булгарина (см. примеч. 18 к рецензии «Репертуар русского театра... Книжки 1 и 2. Пантеон русского и всех европейских театров... Часть I»).

[^^^]

9

Имеется в виду безымянный эпизодический персонаж из «повести в двух танцах» В. А. Соллогуба «Большой свет» (1840).

[^^^]

10

Игру актера Александринского театра А. Е. Мартынова критик особенно выделял и в других статьях.

[^^^]

Белинский имеет в виду три статьи Булгарина о постановке «Уголино» Полевого в Александрийском театре, однако неточно передает их смысл. В первой статье («Северная пчела», 1838, № 25, 31 января) сделан лишь обзор «общих европейских понятий о драме вообще»; во второй статье (там же, № 29, 4 февраля) подробно изложено содержание пьесы Полевого; в заключение ее Булгарин заявил, что «Уголино» «есть русское, оригинальное произведение, и преисполненное русизмом»; никаких сопоставлений автора с классиками мировой литературы Булгарин не проводил. В третьей статье (там же, № 36, 15 февраля) Булгарин писал: «В каждом деле есть разряды, и если б автор «Уголино» исполнил в драме своей все условия *первого разряда*, то он был бы тогда Шекспиром или Шиллером».

[^^^]

12

Перефразированная строка из былины «Соловей Будимирович».

[^^^]

13

Имеется в виду «Сын отечества», в котором его негласный редактор Н. Полевой заполнял критический раздел «Очерками русской литературы» за текущий год (1838, 1839). Эти «Очерки...» состояли из коротких, как правило, рецензий на выходящие издания.

[^^^]

14

Можно, предположить, что одной из «диких статей» представлялась критику следующая: «Светопись, или Производство живописных изображений посредством световых лучей» («Библиотека для чтения», 1839, т. XXXIV, № 5–6, отд. III, с. 59–90; статья не подписана).

[^^^]

15

Журнал «Современник», основанный в 1836 г. Пушкиным, в период редакторства П. А. Плетнева (1838–1846) переживал глубокий упадок; широкая публика его практически не знала. Журнал последовательно ориентировался на литературные вкусы предшествующей эпохи, мало интересуясь текущей словесностью.

[^^^]

16

С весны 1838 по весну 1839 г. «Московским наблюдателем» руководил Белинский.

[^^^]

17

Эпименид – греческий жрец, прорицатель и поэт (VII в. до н. э.), согласно преданию, проспавший 57 лет в «зачарованной пещере».

[^^^]

18

«Евгений Онегин», гл. шестая, строфа XXXIX.

[^^^]

19

Неточная цитата из стихотворения А. И. Полежаева «Вечерняя заря» (1829).

[^^^]

20

Журнал «Галатея», издававшийся в 1829–1830 гг., после долгого перерыва возобновился в 1839 г., но просуществовал лишь до 1840 г.

[^^^]

В письме В. Боткину от 16–21 апреля 1840 г. Белинский, указывая на «промахи» Каткова и Краевского, а также на свои собственные («глупая статейка о брошюрах Жук<овского> и Глин<ки>, над которою смеялся весь Питер и публично тешился Греч»), тем не менее писал, что ни эти недостатки, ни «новое и непреваримое для нашей публики направление «Отечественных записок» не уменьшило число подписчиков – наоборот, «их прибавилось сотни три, следовательно, на тот год смело можно ожидать прибавки еще по крайней мере 500 против нынешнего года».

[^^^]

22

Неточная цитата из стихотворения Пушкина «Клеветникам России» (1831).

[^^^]

23

В № 65 «Северной пчелы» за 1840 г. была опубликована третья («и последняя») статья Булгарина, посвященная книге Полевого «Очерки русской литературы» (ч. I–II, СПб., 1839). Содержащийся в ней отзыв о поэзии Пушкина (как и ряд других высказываний автора статьи) Белинский цитирует ниже (критику принадлежат также слова, взятые в скобки, и курсив).

[^^^]

24

Критик имеет в виду басню И. А. Крылова «Лисица и Осел» (1824).

[^^^]

25

Намек на известные эпиграммы Пушкина: «Не то беда, что ты поляк», «Не то беда Авдей Флюгарин», «Решил Фиглярин, сидя дома...» (постскриптум к «Моей родословной»).

[^^^]

Имеется в виду эпиграмма «Булгарин – вот поляк примерный» (о ней см.: наст. изд., т. 1, с. 695).

[^^^]

Белинский имеет в виду анонимную эпиграмму на Булгарина («Литературная газета», 1830, № 53, 18 сентября), начальные строки которой он приводит ниже. Ее полный текст:

*Ты целый свет уверить хочешь,
Что был ты с Чацким всех друж-
ней:
Ах ты, бесстыдник, ах, злодей!
Ты и живых бранишь людей,
Да и покойников порочишь.*

Автором этой эпиграммы являлся или П. А. Вяземский, или О. М. Сомов.

[^^^]

«Евгений Онегин», гл. седьмая, строфа XV. В рецензии на седьмую главу «Евгения Онегина» Булгарин писал: «Вот является новое действующее лицо на сцену: жук! Мы расскажем читателю о его подвигах, когда дочитаемся до этого. Может быть, хоть он обнаружит какой-нибудь характер» («Северная пчела», 1830, № 35, 22 марта; в целом же эта глава охарактеризована Булгариным как «совершенное падение»).

[^^^]

29

Точное название – «Журнал разного рода шитья и вышивок».

[^^^]

30

«Клятва при гробе господнем» и «Аббаддона» – романы Полевого.

[^^^]

[^^^]